

Свисток об окончании первого тайма прозвучал, словно тупой нож, медленно разрезающий застывший воздух.

0:0.

В раздевалке никто не говорил. Слышны были лишь шуршание кроссовок по полу да легкий треск туго затягиваемых бинтов. Лу Цзин сидел на самом краю скамейки, из-под наколенника на левой ноге сочилась кровь — темно-красная, словно молчаливая змея, она змеилась вверх по его спортивным штанам.

Се Линь стоял в конце прохода, пачка сигарет была пуста, но зажигалка всё щелкала и щелкала — раз, два, третья попытка... искра так и не вспыхнула. Он не смел войти.

Охрана сказала:

— Тренер Се, вам нельзя туда.

Он кивнул, не споря. Прошло семь лет, а у него не было даже права приблизиться к этой двери.

Окурки между пальцами смялись, искорки то загорались, то гасли — точно так же, как и каждый его порыв за последние семь лет что-то сказать, который неизменно душили на самом выдохе.

И тут дверь открылась.

Вышел Лу Цзин.

Он не посмотрел на Се Линя, а просто швырнул в его сторону бутылку ледяной минералки. Пластиковая бутылка ударилась о колено Се Линя с глухим стуком.

— Ты забыл? — голос Лу Цзина был тихим, словно он боялся кого-то разбудить. — В те годы ты всегда давал мне ее после дождя.

Рука Се Линя замерла в воздухе.

Он помнил.

Конечно, он помнил.

В тот год ливень сорвал навес над тренировочной площадкой, Лу Цзин трижды кувыркнулся в грязи, ободрав колени до мяса. Он присел на корточки под дождем, вложил ему в руку бутылку

ледяной минералки и сказал: «Больно — стисни зубы и не плачь. Слёзы не помогут, вернешься в форму — вот тогда будет толк».

Лу Цзин не плакал. Сжав зубы, он осушил бутылку до дна, а затем развернулся и снова бросился под дождь, тренируясь целых три часа.

Се Линь поднял голову и наконец посмотрел на него.

Лу Цзин прислонился к стене, и свет в коридоре вытянул его тень в длинную полосу, похожую на старый, незаживающий рубец.

— Ту тактическую карту, что ты разорвал, — тихо произнес он, — я заучил наизусть страницу за страницей.

Кадык Се Линя дернулся.

— Ты обзывал меня слишком диким, — продолжал Лу Цзин, и его тон звучал так спокойно, будто он рассказывал чужую историю. — Но тот «тройной прорыв с обратным финтом», которому ты меня научил... я забил им свой первый гол в профессиональной лиге.

Он замолчал и наконец поднял взгляд.

В этих глазах не было ни ненависти, ни гнева, не было даже ожиданий.

Лишь бездонная усталость.

— Ты вовсе не пытался искупить вину, — сказал он. — Ты боялся, что я буду ненавидеть тебя, поэтому сам боялся жить.

Сигарета в руке Се Линя наконец погасла.

Он открыл рот, но не смог издать ни звука.

Капля воды упала ему на тыльную сторону ладони.

Опустив голову, он понял, что это слезы.

Семь лет он не плакал на людях.

Не потому, что не было больно — просто не смел.

Он боялся, что стоит заплакать — и придется признать свою ошибку.

Боялся, что стоит заплакать — и эта пустая оболочка окончательно рухнет.

Лу Цзин не стал ждать его ответа.

Он толкнул дверь и вернулся в раздевалку.

Дверь за его спиной тихо захлопнулась, словно молчаливое прощание.

Но в самый миг, когда щель почти сомкнулась, он остановился.

Не оглядываясь.

Он бросил лишь одну фразу — легкую, как ветер, но тяжелую настолько, что она врезалась Се Линю прямо в кости:

— Во втором тайме я жду твоих указаний.

Дверь закрылась окончательно.

Се Линь стоял на месте, а бутылка с водой в его руке все еще сохраняла прохладу.

Он медленно поднял левую руку и расстегнул пуговицу на подкладке куртки — там прятался помятый лист бумаги.

Это была та самая тактическая карта, которую он своими руками разорвал семь лет назад.

Он не выбросил ее.

Он прижимал ее к сердцу все семь лет.

Каждый сгиб был его раскаянием, на которое он не осмеливался взглянуть.

Джащими руками он развернул тот лист.

На нем почерком Лу Цзина простым карандашом, линия за линией, были заново обведены все схемы.

Рядом красовалась мелкая надпись:

— Всему, чему ты меня научил, я помню.

Се Линь закрыл глаза и прижал бумагу к груди, словно удерживая бьющееся сердце.

Он повернулся и зашагал к боковой линии.

Никаких сомнений.

Никаких остановок.

Он шел медленно, но каждый его шаг отдавался так, будто он ступал по дождю семилетней давности.

Охрана попыталась преградить путь, но Линь Е оттолкнул их.

— Он будет командовать, — произнес Линь Е. — Он обязан.

Се Линь встал у бровки, снял куртку и обнажил левое плечо — на нем был намотан круг полинявших бинтов.

Точь-в-точь таких же, какие он семь лет назад собственными руками накладывал Лу Цзину.

Он взял тактическую доску, и его рука не дрожала — так не дрожат руки у тех, кто только что плакал.

Он поднял взгляд на центр поля.

Лу Цзин стоял на одном колене, затягивая щитки.

Он не смотрел на Се Линя.

Но Се Линь знал: он ждет.

Ждет приказа.

Ждет имени.

Ждет человека, который осмелится снова начать жить.

Се Линь глубоко вздохнул, поднял руку и указал на правый фланг.

Он ничего не сказал.

Лишь провел тактическим маркером дугу по бумаге.

Точь-в-точь такую же дугу, какую Лу Цзин отдал ему пасом в последний раз перед тем, как получил травму семь лет назад.

Стадион замер.

А затем раздался шквал аплодисментов, похожий на цунами.

Не за победу.

А за то, что человек, который боялся жить, наконец осмелился встать.

Се Линь опустил маркер и тихо произнес:

— Давай, Лу Цзин.

— На этот раз я доиграю матч вместе с тобой.

<http://bllate.org/book/19070/1873139>